

Африканская государственность и африканский ренессанс: Парадокс ненормальности или нормальность парадокса.

Вот уже несколько десятилетий африканисты обсуждают вопрос о характере государственности в Африке. Африканское ли там государство? Или оно больше западное, колониальное, навязанное? Какое из этих двух наследий – африканское или европейское – нужно винить в бесконечных войнах, гражданских войнах, государственных переворотах, неумелом или недобросовестном управлении, коррупции и т.д.? Может быть, африканское государство недостаточно европеизировано, чтобы вести себя «нормально» по европейским меркам? Или, наоборот, оно слишком европеизировано – и поэтому чуждо Африке?

Ясного ответа на все эти вопросы пока нет. Обширнейшая научная литература по вопросам государственности в Африке рассматривает проблемы соотношения африканского государства и традиции, отношений между государством, обществом и конкретными общинами, а также совместимости африканской государственности и демократии – или, скорее, их несовместимости. Среди исследователей, похоже, начинает появляться консенсус относительно корней и масштабов проблемы. Однако, согласия в том, что же происходит с африканской государственностью сейчас, нет. Ученые по-разному трактуют вопросы о том, каковы тенденции и направления ее развития, что должно или может быть сделано, чтобы справиться с ее проблемами, и нужно ли что-то делать.

Невозможно рассмотреть весь диапазон взглядов об историческом наследии государственности в Африке в пределах ограниченного пространства статьи. Трудно найти и оригинальный подход к этой теме, по которой ежегодно публикуются десятки исследований как практического, так и теоретического характера. Единственное, что возможно сделать, это обрисовать в общих чертах общепринятый взгляд на параметры и масштабы проблемы в социально-историческом контексте с учетом внешнего воздействия и взаимодействия этого международного аспекта проблемы и африканской «почвы».

Масштабы парадокса

Одним из самых очевидных аспектов "недостойного поведения" государства в Африке, несоблюдения им норм, принятых международным общественным мнением и отраженных в резолюциях международных организаций, является то, что до недавнего

времени демократически избранные правительства были исключениями, а не характерной особенностью политической сцены на африканском континенте.

Свержение правительства Кваме Нкрумы в Гане в 1966 г. не было первой попыткой переворота с целью свержения демократически избранного правительства в Африке (этому предшествовал переворот в Того в 1963 г.), но оно стало сенсацией из-за того, что Нкрума пользовался большим авторитетом и в Африке, и за ее пределами, как президент первой африканской страны, получившей независимость. Этот переворот стал также первым пятном на ранее незапятнанной репутации антиколониальных сил, которые считались демократическими по определению, поскольку они боролись против недемократического колониального и неоколониального порядка. С тех пор перевороты, контрперевороты и попытки переворотов (либо военные, либо поддержанные вооруженными силами), избежать которых удалось лишь немногим африканским странам, стали обычным явлением. Нигерия, в которой в течение тридцати лет после первого переворота в 1966 г. было менее пяти лет гражданского правления (в 1979–1983 гг.) может служить самым печально известным примером.

В 1960–90 гг. гражданские войны стали характерной чертой африканского политического ландшафта (Нигерия, Ангола, Мозамбик, Чад, Сомали, Либерия, Демократическая Республика Конго (ДРК) и др.). Первой из них стала междоусобная война в Нигерии (1967–1969 гг.), ужаснувшая международное сообщество своими масштабами: она унесла больше человеческих жизней, чем война во Вьетнаме.

Военные конфликты и интервенции, которые иногда приводили к свержению режимов в соседних странах, а иногда поддерживали их (Эфиопия — Эритрея; Сомали — Кения; Сомали — Эфиопия; Танзания — Уганда; крайний случай — многонациональная интервенция в ДРК), также получили широкое распространение. По сравнению с этим военное вмешательство африканских региональных организаций, таких как Экономическое сообщество западноафриканских государств (ЭКОВАС) (костяк военного крыла которого, ЭКОМОГ, составляют нигерийские вооруженные силы) и Сообщество развития Юга Африки (САДЕК) (группирующегося вокруг ЮАР — самого сильного государства региона), во внутреннюю политику государств-членов (Сьерра-Леоне, Либерия, Лесото) кажется намного более умеренным случаем.

Самым ужасающим явлением в этом ряду являлись массовые этнические чистки, и самой страшной из них, как по масштабам, так и по методам, было массовое уничтожение тутси в Руанде в 1994 г. В течение примерно ста дней там было убито от 500 тыс. до 1 млн. человек. Это привело к массовому исходу беженцев, быстрому увеличению военных конфликтов в пограничных территориях, неизлечимым психологическим травмам.

Перевороты, интервенции, гражданские войны и геноцид были самыми очевидными, но далеко не единственными проявлениями недемократичности африканского

государства. Военные или авторитарные режимы и однопартийные системы, сфальсифицированные или подтасованные результаты выборов, нетерпимость ко всем видам оппозиции и СМИ, травля, а иногда и физическое устранение противников и журналистов, подавление основных политических и личных свобод, отсутствие прав человека и низкая цена человеческой жизни - все это также было, а иногда и до сих пор остается, проявлениями деятельности государства в Африке.

Колоссальная растрата государственных средств служащими государственных институтов и корпораций и массовая коррупция на всех уровнях государственных служб составляли самое существо, смысл существования некоторых государств на континенте. Американские ученые Роберт Джексон и Карл Росберг, исследовавшие это явление, определили такие государства как «присвоенные»¹. Заир (позже – ДРК), где в 1980-е гг. личное достояние Мобуту Сесе Секо оценивалось приблизительно ту же сумму, что и государственный долг, и Нигерия, где за восьмилетний срок пребывания одного только Ибрагима Бабангиды из казны исчезло 12.4 миллиардов нефтедолларов США (треть которых, как полагают, была украдена непосредственно генералом)² являются наиболее известными случаями.

Экономическая некомпетентность, неспособность или нежелание государственных институтов стимулировать экономический рост и падение уровня экономического развития, развал социальных служб и экономики в целом, и, наконец, отказ государства осуществлять серьёзный контроль над собственной территорией, — все это известный американский историк Джон Айлиф, назвал "сжатием государства". В крайних случаях "сжатие государства"³ может привести к полному краху государственных структур, как это случилось в ДРК и Сомали. Сочетание чрезмерной централизации и авторитарной природы власти с одной стороны и "сжатия государства" с другой кажется противоречием, но лишь на первый взгляд. Эти явления сосуществуют гармонично, представляя собой две стороны одной медали.

Недостойное поведение государства в Африке долгое время объясняли недостаточной развитостью демократии – как ее понимают западные ученые. Считалось, что демократические выборы и введение многопартийных систем должны полностью изменить ситуацию. Дэниэл Симпсон выразил эту точку зрения так: «если у людей есть законное и мирное средство сменить своих правителей, то теоретически у этих правителей — если они не хотят, чтобы их выкинули на улицу — есть веские причины не красть, не ставить у власти своих родственников и представителей только своей этнической группы

---

¹ *Jackson R., Rosberg C. The Political Economy of African Personal Rule // Political Development and the New Realism in Sub-Saharan Africa / Eds. D. Apter & C. Rosberg. Charlottesville, 1994. P. 300–304.*

² *Maja-Pearce A. Army Arrangement // London Review of Books. 1 April 1999. P. 10.*

³ *Iliffe J. Africans. The History of a Continent. Cambridge, 1995. P. 263.*

и не нарушать права человека и гражданские права, или, иными словами, не мучить тех, кем они управляют. Такие правители будут править мудро и проводить конструктивную и дальновидную экономическую политику»⁴. Исследователи и комментаторы с энтузиазмом встретили политические перемены на континенте 1990-х гг., когда африканские лидеры один за другим объявили «о переходе к демократии». Энтузиазм этот был, однако, недолгим.

Результаты демократических выборов, которые прошли по всему континенту (например, в Замбии, Гане, Конго, Малави, Сьерра-Леоне, Уганде, Эфиопии, а затем и в Нигерии), часто аннулировались следовавшими за ними переворотами. Стремление к демократизации, которое, казалось, начало усиливаться после окончания холодной войны, вновь отступило в результате таких событий, как геноцид в Руанде, гражданские войны в Либерии, Конго, Заире (ДРК)⁵, переворот в Сьерра-Леоне, попытка переворота в Замбии. Кроме того, вскоре стало очевидно, что новые демократически избранные лидеры далеко не всегда действуют демократически. Травля оппозиции Фредериком Чилубой в Замбии – лишь один из примеров. По своему характеру новорождённые демократические государства также сильно отличаются от известных образцов.

Объяснений плачевного состояния демократии в Африке и роли государства в создании этой ситуации было превеликое множество. Самое популярное было предложено теперь единодушно отвергнутой школой "слаборазвитости и зависимости", которая доминировала среди как марксистских, так и немарксистских ученых в 1970-х — начале 1980-х гг.⁶ В центре ее была идея, что африканские страны были экономически слабы и зависели от прежних колониальных держав и от других «неколонизаторов». Их социальные структуры были "слаборазвиты" по сравнению с "развитыми" "первым" (западным) и "вторым" (социалистическим) мирами, и они не могли органически инкорпорировать институты развитых демократий. Демократические институты были, таким образом, навязаны африканским обществам точно так же, как колониальные институты до них – а иногда и одновременно с ними – и по этой причине были политически неприемлемы и прижиться не могли. Это означало слабость или отсутствие институтов гражданского общества, демократических традиций – "привычки" к демократическому поведению, и, что более важно, тех классов и социальных структур,

---

⁴ *Simpson D.* Afterword: The Best Hope for Now // *Democracy in Africa: The Hard Road Ahead* / Ed. M. Ottaway. Boulder, 1997. P. 165–166.

⁵ Тот факт, что природа двух последних войн была различной (Дени Сассу Нгессо в Конго сверг демократически избранного президента, а отряды Лорана Кабилы в Заире сместили одного из самых известных африканских диктаторов), лишь подтверждает универсальность существующей модели политического поведения.

⁶ Детальный критический анализ теории «слаборазвитости и зависимости» дан., напр. в: *Leys C.* *The Rise and Fall of the Development Theory.* London, 1996; *Berman B.* *Control and Crisis in Colonial Kenya. The Dialectic of Domination.* London; Nairobi; Athens, 1990. Ch. 1.

которые могли такие институты и традиции породить и поддерживать. Другими словами, как писал известный исследователь африканского государства Патрик Чабал, слабость государства объяснялась "искусственностью" его происхождения в колониальных условиях, в отличие от его "органичного" развития в недрах гражданского общества⁷.

Набора социальных предпосылок для демократии никогда не было и быть не могло, но существовало представление (распространенное, снова, как среди марксистов, так и среди немарксистов), о том, что современная демократия могла появиться только с развитием классов современного (т.е. капиталистического) общества. Поэтому главный вопрос, обсуждавшийся в связи с африканской демократией, заключался в том, насколько капиталистическими были африканские общества в конце колониальной эпохи и как скоро они смогут "модернизировать" свои социальные, экономические и политические структуры, чтобы нагнать «современный» мир.

В контексте современного историко-политического дискурса эта теория может казаться европоцентристской, но два десятилетия назад она таковой не считалась. Во-первых, она была по сути своей антиколониальной. Во-вторых, она не была расистской, или, по крайней мере, не подразумевалась таковой, потому что африканскую "отсталость" она усматривала только в социальной (формационной) – а не в культурной или политической (цивилизационной) – сфере, и одной из основных причин этой социальной отсталости считался колониализм. В-третьих, авторы и сторонники этой теории полагали, что африканские общества находились в процессе "модернизации" и что постепенно в них разовьются классы "современного общества" (капиталистического или социалистического). Таким образом, когда-нибудь, они нагонят этот «современный» мир и в процессе этого станут демократическими с помощью либо "прогрессивного" (социалистического), либо "демократического" (западного, капиталистического) международного сообщества.

Считалось, что западная институционализируемая демократия с парламентами, многопартийными выборами, парламентской оппозицией, открытой прессой и т.д. чужда Африке, и поэтому африканское государство, созданное по образу и подобию этой системы в конце колониальной эпохи, было хрупким и слабым и потому неспособно было справиться с задачей управления вообще и с конкретными проблемами каждой страны. Это вело к постоянным кризисам, нестабильности и беспорядкам. Этнический фактор при этом считался одной из важнейших причин конфликтов. Иногда конфликты вели к распаду государственности. Примерами такой распавшейся государственности, были Мозамбик к концу его многолетней гражданской войны, Ангола, Сомали, и ДРК времен

---

⁷ Political Domination in Africa. Reflections on the Limits of Power / Ed. P. Chabal. Cambridge, 1986. P. 2.

Лорана Кабилы, когда вооруженные банды, не имеющие никакой политической принадлежности, контролировали обширные территории государства.

С течением времени становилось все более ясно, что модель социально–политической трансформации, созданная авторами этой теории, не соответствовала действительности. Социальные структуры африканских сообществ развивались не в том направлении, которое предсказывала теория, но лишь видоизменяли прежнее, не отступая в целом от существующего образца. Стало ясно также, что хотя политическая ситуация в разных странах была весьма нестабильной, сам характер этой нестабильности изменялся мало. Более того, несмотря на свою очевидную структурную слабость, неуправляемость отдельных территорий, а то и полный хаос, африканское государство как суверенная политическая единица продемонстрировало завидную устойчивость – куда большую, чем это представлялось возможным авторам теории.

Колониальные границы, которые искусственно разделяли этнические общности, или, наоборот, соединяли чуждые и зачастую враждебные группы – ещё одна причина для конфликтов – остались неизменными в течение нескольких десятилетий и продолжают упрочиваться в сознании людей. Изменения были немногочисленными, и ни одно из них не было существенным. Борьба за власть, зачастую с применением насилия, войны и гражданские войны — все это было, похоже, направлено не против государства, не на его уничтожение, а на то, чтобы захватить контроль над ним. Если это оказывалось недостижимым в пределах существующих границ, то борьба велась за контроль над частью государства – но все же именно государства. Конечно, структуры управления зачастую рушились в ходе этой борьбы, но государство как политическая единица выживало и выживает.

Способ функционирования государства также остается неизменным. Обобщения, конечно, невозможны, поскольку каждое африканское государство аккумулировало свою собственную историческую память и живёт в рамках собственного уникального исторического опыта, но общие черты прослеживаются везде. "Ненормальность" коррупции, насилия, нестабильности и неуправляемости в сочетании с авторитаризмом и нарушениями принципов демократии распространена и устойчива – почти нормальна.

Теория "зависимости и слаборазвитости" не объясняла, почему такое искусственное и "неорганичное" явление, как африканское государство, оказалось столь устойчивым в течение столь длительного времени. Она не объясняла и явную оторванность политической надстройки от социального базиса, и огромный политический вес отдельных носителей власти в сочетании с политической "пассивностью" институтов и неинституционализированных социальных групп. Не объясняла она также и того, почему именно в Африке была столь велика доля политиков, которые хотели и могли нарушать

закон и общественный порядок в своих странах и международные нормы политического поведения и игнорировать логику политической ответственности перед своими народами.

Неадекватность этого подхода становилась все более очевидной в 1990-е гг., и именно тогда начали появляться новые интерпретации поведения африканского государства. Они не дали ответа на все вопросы, но позволили продолжить их обсуждение, вывели дискуссию на новые рубежи и разрешили некоторые противоречия теории «слаборазвитости» и «модернизации».

Политэкономия исторического наследия

Сторонники нового подхода попытались во-первых, сосредоточиться на внутренних социальных и политических процессах, происходящих внутри африканских обществ (а не на влиянии на эти общества мирового экономического процесса и международной политики); и, во-вторых, поместить нынешний этап развития этих обществ в контекст социально-политической истории колониальной и доколониальной эпох.

Истоки современной государственности в Африке обычно относят к началу колониальной эпохи, когда появились все главные институты и социальные группы колониального общества. Как сказал самый пожалуй, известный на западе и в Африке специалист по проблемам африканской государственности Жан-Франсуа Бэйя, "генезисом современного государства являются превратности завоевания и методы колониальной экономической эксплуатации."⁸ Советский этнограф и историк Д.А.Ольдерогге развивал эту же идею почти двумя десятилетиями раньше, когда он писал о "колониальном обществе" как об "особом типе социального развития", охватывавшем «целый век колониального порабощения Африки, в течение которого в колониях складывались условия, предопределившие дальнейшие судьбы развития новых свободных государств."⁹

Колониальное государство как предшественник современного государства в Африке довольно хорошо изучено¹⁰. Моему пониманию колониальных корней современного государства наиболее близки выводы Брюса Бермана и Джона Лонсдейла,¹¹ но

---

⁸ Bayart J.-F. *The State in Africa: The Politics of the Belly*. New York, 1993. P. 14.

⁹ Ольдерогге Д.А. Эпигамия. Избранные статьи. Москва, 1983. С. 182; Ольдерогге взял термин «колониальное общество» у французского антрополога Жоржа Балантье (см., напр.: Balandier G. *The Colonial Situation: A Theoretical Approach to Social Change*. New York; London, 1966), но использовал его в ином значении.

¹⁰ См., напр.: Bayart J.-F. *Op. cit.*; Mamdani M. *Citizen and Subject: Contemporary Africa and the Legacy of Late Colonialism*. Princeton (NJ), 1996; Young C. *The African Colonial State in Comparative Perspective*. New Haven; London, 1994.

¹¹ Berman B. *Control and Crisis...; Berman B. and Lonsdale J. Unhappy Valley. Conflict in Kenya and Africa*. London; Nairobi; Athens, 1992; Berman B. *Ethnicity, Patronage and the African State: the politics of uncivil nationalism // African Affairs*. №. 97. 1998.

представленный здесь краткий обзор колониального общества базируется главным образом на моей собственной работе на эту тему¹².

Установление колониального господства было политическим актом, но главной целью и главной функцией нового порядка было создание социальных условий для экономической эксплуатации завоеванных территорий колониальными державами. Эта социальная функция являлась главной целью установления колониального господства как системы прямого политического управления колонизированными обществами.

Колониальное государство выступало в качестве посредника между европейским капиталом (каковы бы ни были формы его задействованности в колониях), и колонизированными обществами. И именно колониальное государство (а не сам капитал) играло решающую роль в организации системы колониального производства. Прямо или косвенно колониальная администрация обеспечивала рабочую силу для шахт и плантаций, вводила товарные культуры, поддерживала "законность и порядок", то есть подавляла забастовки, восстания и различные другие формы протеста. Но все эти функции могли успешно выполняться только с помощью местных посредников и местных институтов власти.

Характер социального строительства, которым вынуждена была заниматься колониальная администрация, был примерно одинаков в колониях с прямым и косвенным управлением. Главное различие определялось скорее природой доколониальных сообществ. В обществах с сформировавшимися в доколониальную эпоху институтами власти колониальная администрация использовали эти институты, изменяя их природу (например, вмешиваясь в правила наследования или изменяя и регулируя функции и права правителей, чтобы приспособить их к своим потребностям (как, например, в Буганде, Северной Нигерии и Занзибарском Султанате). В обществах, где эти институты были слабыми или не существовали вовсе (главным образом в доклассовых и догосударственных обществах), вводились новые механизмы и институты власти. При этом существующие доколониальные структуры управления обычно не принимались во внимание, хотя некоторые элементы этих структур могли инкорпорироваться в новые институты.

Отбор таких местных институтов и структур, которые могли использоваться в системе колониального управления, начался ещё во времена колониального раздела, когда колониальные власти, тогда слабые и немногочисленные, начали искать союзников в местных обществах. Процесс отбора шел и на структурном, и на личностном уровнях, но личностный уровень имел большее значение: колониальная администрация с легкостью

---

¹² *Филатова И.И.* История Кении. М., 1985; *Она же.* Люди "Зеленых холмов Африки" между прошлым и настоящим. Колониальная трансформация африканских обществ Кении. М., 1993.

ликвидировала местные институты власти и заменяла их новыми, или преобразовала их, чтобы расширить административную власть того или иного союзника.

В 1905 г. Джон Эйнсворт, известный колониальный чиновник Кении, писал, что правительство поощряет "любую сильную личность", и "делает все возможное, чтобы увеличить ее власть, коль скоро она проявляет лояльность." Степень "традиционности" новых союзников начала волновать колониальных администраторов лишь значительно позже, когда они поняли, что толку от их союзников не будет, если их власть совершенно не законна в глазах их соотечественников. Эйнсворт отмечал, что в процессе создания системы местной администрации британскому правительству пришлось столкнуться с двумя проблемами: им было нужно "найти действительно сильного и надежного человека" во-первых, и "заставить коренное население в целом признать именно этого представителя их племени человеком, имеющим над ними власть" во-вторых.¹³

Ранние союзники колониальной администрации – целый набор "сильных личностей" с весьма различной степенью вовлеченности в структуры доколониальной власти. Политический ландшафт Британской Восточной Африки в начале XX-го столетия является хорошим примером этого разнообразия.

Султаны Занзибара из династии Бусайди могли претендовать на то, что их власть вполне легитимна, хотя англичане и вмешались постоянно в процессы наследования. Киньянжуи, в 1920-е гг. назначенный одним из трех "верховных вождей" гикуйю (таких вождей в доколониальные времена у гикуйю не было), не мог претендовать на какую бы то ни было власть в рамках доколониальной системы управления гикуйю – он начал свою карьеру как переводчик и гид караванов Имперской британской восточноафриканской компании. Другой "вождь" гикуйю, Вайяки, имел определенную власть в доколониальные времена, поскольку он был главой большого и сильного рода. Нгоньо, назначенный "вождем" гириама, имел определенное влияние и даже власть в доколониальную эпоху, но происхождение ее никак не было связано с традиционной структурой власти гириама: он был «сильным человеком», сделавшим свое состояние на торговле с проходившими через территорию гириама караванами суахили и с суахилийскими кланами на побережье. Ленана, также назначенный веховным вождем масаев (совершенно новый для них институт), в доколониальную эпоху был ритуальной фигурой, обладавшей большим авторитетом, но никак не властью. «Верховный вождь» луйа, Мумиа, был главой самого сильного клана луйа, Ванга, но не имел никакой власти над другими кланами.

Все эти лидеры, по различным причинам искавшие союзников вне своих собственных обществ, нашли их в английской администрации и использовали ее помощь, чтобы

---

¹³ *Mungeam G. N. British Rule in Kenya, 1895-1912. The Establishment of Administration in the East African Protectorate. Oxford, 1966. P. 129, 130.*

усилить своё собственное и своей клиентелы политическое и экономическое положение за счет соседей и противников. Достичь этого можно было только с помощью демонстрации силы их новых друзей, иногда в форме прямых карательных экспедиций, организованных колониальной администрацией против их врагов, иногда через запугивание. Были и другие способы "произвести впечатление" как на друзей, так и на врагов.¹⁴

Поддерживая некоторые элементы местного политического ландшафта и подавляя другие, колониальная администрация напрямую вмешалась в местные политические и социально-экономические процессы. При этом в начале колониальной эпохи как ее соперники, так и ее союзники не могли понимать ни ее конечных целей, ни реальную степень ее силы. Но при всей жесткости этого вмешательства, колониальные власти разрушили далеко не все местные традиции. Создав с помощью силы сеть зависимой от нее клиентелы – обычная практика во многих доколониальных сообществах – колониальная администрация сама стала "сильным человеком" на местной политической арене, перенеся, таким образом, доколониальную систему патронажа в колониальную эпоху и встроив ее в основание отношений между колониальной и «туземной» администрациями на многие десятилетия вперед. Иными словами, личности, институты и функции могли меняться (хотя зачастую они оставались прежними), но базовый закон, определявший способ функционирования колониального общества – система отношений клиент-патрон, хорошо знакомая и полностью понятная и принятая всеми игроками – оставался в неприкосновенности.

То, каким образом "туземная администрация" появилась на свет, определило и характерные особенности этой социальной группы. «Туземная администрация» в большой степени зависела от колониального государства и лишь в очень малой – от собственного общества, которым ей было поручено управлять. Ее социально-политическая ответственность перед этим обществом была, таким образом, весьма невелика. Связь туземной администрации с администрацией колониальной была основным источником ее власти, становым хребтом ее существования и основой ее главных источников накопления – легального дохода, который ее представители получали за исполнение своих функций (оклад; доля от собранных налогов, и т.д.) и дохода от коррупции, который они могли получать благодаря своей близости с колониальными властями¹⁵.

---

¹⁴ Роль насилия в колониальной «социальной инженерии» подчеркивается всеми авторами, изучающими эту проблему. См., напр.: Berman B. and Lonsdale J. Op. cit. Ch. 1–4; Mamdani M. Op. cit. Ch. 5; Mungeam G.N. Op. cit. Ch. 1.

¹⁵ Высокое жалование, которое получали должностные лица в колониальной или «туземной» администрации, являлось наиболее важным фактором в процессе социальной стратификации в колониальный период. См., например: Kitching G. Class and Economic Change in Kenya. The Making of an African Petit Bourgeoisie, 1905–1970. London, 1980.

«Туземная администрация» была первым продуктом социогенеза колониального общества, главным катализатором которого была надстроечная структура – колониальное государство. Значимость этого факта очевидна в связи с той огромной и независимой ролью, которую надстроечные (политические) институты играли в процессах социогенеза в поздних колониальных и постколониальных африканских обществах. Примерами социального творчества надстройки в эти периоды могут служить социальное содержание национально–освободительных движений и попытки социальной инженерии в молодых независимых государствах, стремившихся проводить в жизнь идеологию "африканского социализма".

В течение 1920-х и 1930-х гг. в колониальном обществе появились новые социальные группы, как, например, рабочие–мигранты, скваттеры, колониальное крестьянство. Они не были классами или даже протоклассами, но скорее аморфными социальными формированиями без четко очерченных экономических или социальных параметров: как и туземная администрация, они были не только продуктом колониальной социальной стратификации, но и ее инструментом. О роли каждой из этих групп в строительстве колониальной социальной структуры можно сказать немало, но только одна из них была столь же важна как туземная администрация в формировании современного государства. Это была новая образованная элита – те, кто получил европейское образование в колониальные годы. Кенийский автор Гидеон Мутисо назвал ее "асоми", от суахилийского слова "кусума", учиться.¹⁶

Маленькая социальная страта асоми, которая стала играть важную политическую и социальную роль в африканских обществах после второй мировой войны, обладала некоторыми преимуществами в процессе накопления, но у нее не было административной власти, которая позволила бы ей консолидировать и увеличить их.¹⁷ Этим объяснялась двойственную роль, которую асоми играли в колониальном обществе. С одной стороны, они были заинтересованы в сохранении своего привилегированного положения, что было возможно только через сотрудничество с колониальными властями. С другой, они хотели изменить сложившуюся систему сотрудничества между колониальной властью и туземной администрацией, которая не оставляла асоми как социальной группе места у единственно возможного в колониальном обществе источника накопления и вертикальной социальной мобильности, а именно, в роли союзников колониальных властей и при их поддержке внутри колониальных структур.

Между «туземной администрацией» и асоми – из среды которых вышло большинство лидеров национально–освободительных движений – существовала вполне определенная

---

¹⁶ *Mutiso G. S. Kenya Politics, Policy and Society. Nairobi, 1975.*

¹⁷ Д. Китчинг (*Kitching G. Op. cit*) показал, что к тому времени, как "асоми" появились как группа, т.е. в 1940-х – 1950-х гг., процесс социальной стратификации в африканских обществах продвинулся довольно далеко.

связь. Значительная часть асоми состояла из детей и родственников туземной администрации, но в социальном смысле асоми стали заклятым врагом туземных властей. Главным социальным различием между этими двумя стратами был не возраст или уровень образования, но характер их связи с колониальной властью. В отличие от туземной администрации, новая образованная элита имела довольно широкую политическую базу в своей среде, особенно в конце колониальной эпохи, от нее ждали результатов, и, естественно, она зависела от своих обществ и была ответственна перед ними. И именно поэтому она была более независимой от колониального государства и могла даже оказывать на него некоторое давление.

С социальной точки зрения самым важным было то, что в конце колониальной эпохи образования элита смогла навязать себя колониальным властям как новый (и, в отличие, от туземной администрации, «подлинный») представитель своих обществ и посредник между ними и колониальным государством. Когда на смену колониальному порядку пришли неоколониальные структуры, бывшие асоми остались главным каналом связи, главным посредником между местными обществами и международным капиталом, превратившись в неоколониальную элиту. В процессе деколонизации изменились лица и институты – как это произошло прежде в процессе создания колониального общества - но система патронажа опять осталась в неприкосновенности.

Главным источником накопления для элиты неоколониального государства снова стала административная функция, которая дала ей (и ее клиентеле) доступ как к легальному, так и к нелегальному, внутреннему и внешнему финансированию. И главными источниками власти этой элиты снова была её связь с международным капиталом, за счет которой она могла удовлетворить свою клиентелу, а также использование силы, хотя и в этом отношении она меньше зависела от внешних источников, чем туземная администрация. Авторитет законности сделал эту элиту более независимой от международного капитала, особенно в первые года после его прихода к власти. Новая элита использовала постколониальную ситуацию с максимальной выгодой для себя, поскольку ее относительная независимость позволила ей обеспечивать намного более высокий уровень накопления и для себя и для своей намного более многочисленной клиентелы, чем тот, которым довольствовалась туземная администрация.

Об определяющей значимости внешнего фактора в структуре как колониального, так и постколониального государства писали многие исследователи. Бэйя высказался наиболее откровенно: «доминирующие группы, находящиеся у власти в черной Африке, продолжают, в основном, пользоваться доходом, который они получают от своего положения посредников в отношениях с системой международных отношений». Приводя Нигер в качестве примера, он заключил, что «основным источником накопления для

главных действующих лиц страны является более или менее законная торговля с Нигерией и [незаконное – И.Ф.] присвоение международной помощи»¹⁸.

Но при всей важности колониального наследия, колониализм не был, однако, первым звеном в цепи исторических предтеч африканского государства. У авторов прикладных исследований никогда не было сомнений в том, что доколониальное наследие играло важнейшую роль и в колониальном, и в постколониальном африканском обществе. На уровне обобщений, однако, связь между доколониальным, колониальным и особенно постколониальным государством долгое время исследовалась мало и слабо, возможно из-за того, что эта идея считалась неприемлемой с политической точки зрения. Жорж Баландь писал о доколониальных корнях колониального общества уже в конце 1950-х — начале 1960-х гг.,¹⁹ но исследование влияния доколониального наследия на постколониальную эпоху началась только в 1990х.

Наиболее глубоко это влияние проанализировал Бэйя. Он обрисовал несколько особенностей доколониальной «модели», которые играли и продолжают играть определяющую роль в процессе социального строительства современного африканского государства. Среди них низкая производительность труда и попытки государства увеличить свои доходы за счет "мобилизации ресурсов, полученных от его (возможно неравноправных) отношений с внешним миром"; "выбор исхода" – политическая фрагментация в результате отделения кланов и линиджей (разросшихся больших семей) – который был возможен благодаря наличию незанятых или временно неиспользуемых территорий; восстание как структурное, постоянно повторяющееся, явление, что было возможно из-за доступности "выбора исхода"; "ацефальность" многих обществ, т.е. отсутствие у них четко выраженного центра власти; важность клановых структур в государственных обществах, что позволяло их населению в какой-то мере ограничивать всевластие своих лидеров²⁰.

Самыми важными аспектами этого доколониального наследия, оказавшими наибольшее влияние на социогенез в новых условиях, были, на мой взгляд, низкая производительность труда и неравноправные отношения с внешним миром, политическая фрагментация в результате оделения – «ухода», и социально–политическая роль клановых и линиджных структур. Все эти факторы были взаимосвязаны, усиливали и дополняли друг друга.

Здесь нет необходимости анализировать причины низкой производительности труда и экстенсивного характера производства в доколониальной (как и в колониальной и постколониальной) Африке. Достаточно констатировать, что почти везде, где африканские

---

¹⁸ Bayart J.-F. Op. cit. P. 25.

¹⁹ См., например, *Balandier G.* Op. cit.

²⁰ Bayart, J.-F. Op. cit. P. 21–23.

сообщества не были "ацефальными", то есть создали институты власти, эти институты появились не только и не столько в результате роста производительности труда и потребности организовать его и управлять им, как это случилось во многих обществах Европы и Азии (хотя и не во всех), сколько в результате присвоения торговой или какой-либо другой посреднической функции отдельными группами или кланами (как это было, например, и среди некоторых восточных славян в Европе).

Торговля была важным фактором в развитии всех древних обществ, но в некоторых из них её роль была особенно значительной. Свидетельством тому – значение транссахарской торговли в возвышении Ганы, Мали и Сонгаи, трансатлантической работорговли в истории Конго, Бенина и других западноафриканских государств, и торговли с Азией в городах-государствах суахили. Эта форма государственности могла появиться только в таких условиях, в которых невозможно было принудительно интенсифицировать производство. В Африке такая ситуация возникла в результате наличия свободной, незанятой земли (в Западной Африке меньше, чем в других областях), что позволяло недовольным группам уходить – что они обычно и делали.

Российский историк Л.Е. Куббель, изучавший специфику африканского доколониального государства, пришел к выводу, что этот тип формирования государственности оказал большое и многоплановое влияние на ее будущую историю. Это проявилось в экономической и социальной оторванности элит от своих обществ; в отсутствии строго определенных государственных границ; влиятельности зависимых групп (кланов и линиджей) и в отсутствии социальной стратификации внутри них (что, конечно, вовсе не означало внутреннего социального или экономического равенства); в укреплении вертикальных внутренних структур общества (клан и род) и слабости горизонтальных (класс), что замедляло и затушевывало процессы социальной стратификации; и наконец, в системе патронажа, которая связывала и каждый клан, и всю государственную структуру.²¹

Некоторые черты исторического наследия современного государства трудно отнести к какому-то определенному периоду. Система патронажа является одним из многих примеров. Даже такое, казалось бы, современное явление как неэффективность государственного сектора в экономике африканских стран отчасти ведет свое происхождение из истории. В доколониальную эпоху многие правители или главы кланов и линиджей имели полное и неоспоримое право распоряжаться государственной землей или землей своего клана или линиджа по своему усмотрению. Иногда такая земля считалась собственностью или собственным доменом правителя как, например, в случае

---

²¹ Куббель Л.Е. Первобытная периферия классовых обществ до начала Великих географических открытий. М., 1978; *Он же*. Доколониальная политическая культура в колониальных и современных африканских государствах // Этнографическое исследования развития культуры. М., 1985.

кабаки Буганды. Эта власть распоряжаться земельными угодьями использовалась для оплаты услуг или поощрения клиентелы. Колониальное государство обладало множеством монопольных прав в экономической сфере, включая в первую очередь и монополию на распределение земли. Доколониальная традиция была, таким образом, закреплена и модернизирована. После провозглашения независимости государственные секторы использовались новыми элитами главным образом точно таким же образом – для вознаграждения своей клиентелы должностями и высокими окладами и как источник накопления для себя. Об эффективности этого наиболее коррумпированного сектора экономики, конечно, не могло быть и речи. Это правило распространялось на государственные секторы практически всех африканских стран, независимо от того, были ли они псевдо–социалистическим или псевдо–капиталистическим. В обоих случаях неэффективность и коррупция доводили государственные секторы до полного краха, но идея о том, что правительство должно обеспечивать тех, кто его поддерживает, за счет государственного сектора, всё ещё весьма популярна среди африканских масс. Отсюда и популярность идеи национализации предприятий (прежде всего горнодобывающей промышленности), ферм, и пр.

Один из самых спорных и широко обсуждаемых аспектов исторического наследия Африки – сложное и трудно интерпретируемое явление этничности, которое столь часто винят в неадекватном поведении африканской государственности. До недавнего времени научные споры об этничности сосредоточивались вокруг её искусственного, поверхностного характера. Считалось, что этнические группы в Африке были «сконструированы» искусственно и сравнительно недавно, а важность их в современной политике объяснялась преднамеренной политизацией этих идентичностей некоторыми лидерами в своих корыстных интересах. Даже если считать, что всё это так, эти объяснения не дают ответа на вопрос, почему именно этническую идентичность было так легко политизировать, и почему, несмотря на свое недавнее происхождение, она оказалась столь устойчивой. Дискуссия о природе этноса в Африке не имеет прямого отношения к проблемам африканской государственности, но вопрос о его недавнем происхождении может пролить на эти проблемы некоторый свет.

Считается, что "современная" этничность появилась в Африке в колониальную эпоху. Возникновение этого явления связывают с тем, что именно тогда возникли конкретные группы, которые определяют себя этно-политическими категориями в настоящее время, а также тот специфический групповой менталитет и групповое поведение, которые считаются "этничными" сейчас. Берман полагает, что «европейские представления об африканских культурах и институтах» того времени «ограничили африканские политические процессы рамками "племенных" категорий и приучили африканцев думать этнически».

Каковы же тогда были те категории, в рамках которых африканские политические процессы развивались до начала колониальной эпохи? Доколониальная этничность для Бермана – это принадлежность человека к группе, имеющей определенные общие интересы. «Вертикальные отношения патронов и клиентов» в такой группе «строились на взаимных обязательствах поддержки и помощи и встраивали родственные связи и чувства в более широкие структуры экономических систем и политики». «Богатство и власть» в них «опирались на способность мобилизовать и поддержать клиентелу, состоявшую из родни и прочего зависимого люда», пишет он.²² Другими словами, этничность строилась на том же принципе отношений патрон – клиент, на котором в доколониальные времена базировались линиджи, кланы и другие группы.

Но, кроме того, Берман полагает, что этнические группы "должны быть основаны на реальном культурном опыте"²³ - наблюдение, на мой взгляд, не вполне верное (опыт должен быть историческим, а не только и не столько культурным), но весьма важное в силу своей откровенности: десятилетиями западные африканисты писали исследования, нацеленные на доказательство искусственного характера этничности, не имеющей, якобы, никакого отношения к историческим реалиям. Оба положения Бермана показывают, что даже если современные этнические группы появились недавно, базовые принципы, лежащие в основе их функционирования, определяются вековым историческим опытом африканских обществ.

Определенный исторический опыт порождал соответствующие ему историческую память и политическую культуру. Об этом ярко написал южноафриканский политик и политолог Тэмба Соно: «Роль группы в африканском сознании подавляюще тотальна, даже тоталитарна... Этот менталитет, эта психология, больше опирается на веру, чем на логику; на сходство, а не на различие. Дискурсивная рациональность подавляется эмоциональной идентичностью, навязчивым стремлением идентифицироваться и жадной соответствовать. Согласиться важнее, чем не согласиться; конформизм читается больше, чем новаторство. Традицию уважают, преемственность почитают, изменений боятся, различий избегают. Ересь в таких обществах не терпят». «Цивилизации согласия», продолжает Соно, цитируя собственную более раннюю работу, «требуют консенсуса (т.е. единства, однородности, солидарности, и т.д.) и потому склонны к принудительному давлению, к моральному соглашению.., отказ согласиться часто приводит к наказанию. Консенсус в цивилизациях согласия довольно поверхностен... Цивилизации инакомыслия ценят понятие 'нет', цивилизации согласия подчеркивают ценность 'да'»²⁴.

---

²² *Berman B. Ethnicity... P. 323, 325.*

²³ *Ibid. P. 312.*

²⁴ *Sono T. Dilemmas of African Intellectuals in South Africa: Political and Cultural Constraints. Pretoria, 1994. P. 7.*

Это наблюдение, чрезвычайно важное для понимания политики современного африканского государства, особенно в отношении политической оппозиции, все же нуждается в дополнении. То, что Соно называет цивилизационными типами ментальности, лучше понимается в рамках исторических стадий развития цивилизаций. Менталитет и политика согласия, консенсуса, конформизма и, в результате, принуждения (в противоположность принятию и адаптации инакомыслия) более характерны для сельских, нежели для городских обществ, аграрных, а не индустриальных, обществ, и для более ранних, чем для более поздних стадий развития цивилизаций. Стремление к принудительному единству и согласию, естественно, значительно возрастает в обществах и группах, испытывающих то или иное давление извне.

Сколь бы ни было развитым современное африканское государство, население африканских стран, которое создает его и подчиняется ему, является более сельским, аграрным, менее развитым в социальном и экономическом отношении и чаще испытывает самые разные виды давления, чем население западных стран. В этом – один из источников отрицательного отношения африканских обществ к инакомыслию. До колонизации наличие свободной земли и возможности исхода смягчало конфликт. В колониальные годы предохранительный клапан исхода был закрыт, а в постколониальную эпоху внутренняя агрессивная нетерпимость группы по отношению к оппозиции и инакомыслию, иногда выливающаяся в насилие, стала одним из главных факторов в политике всех уровней африканского государства.

Все сказанное вовсе означает, что африканское государство, развиваясь, повторит историческую траекторию своих западных предшественников. Речь здесь идет только об исторических корнях его поведения. "Менталитет согласия", система патронажа и важность этнического фактора – отнюдь не уникально африканские явления, но сочетание этих черт, их устойчивость и приспособляемость к обстоятельствам при любых поворотах истории, составляют специфику африканского государства. Эта специфика и создала модель центробежных и центростремительных сил внутри и вокруг африканского государства – модель эволюционировавшую, но оставшуюся в главном неизменной в течение столетий.

Исторические параллели и совпадения, доказывающие всеохватность этой модели, поразительны. Такие явления, как организованная преступность, широко распространившаяся в африканских странах в первые годы постколониальной эпохи, и бандитизм, приведший к полному краху государственных структур нескольких стран (например, Сомали и, до недавнего времени, Мозамбика и) явно укладывались в рамки модели социально-политического поведения африканских обществ в кризисные периоды до начала колониальной эпохи. Когда социальные связи были ослаблены, и людям приходилось самим заботиться о себе, банды молодежи, собиравшиеся вокруг сильных

лидеров, действовали точно так же. Одним из многих примеров были банды молодых гикуйю, прозванные «табари». Они нападали на местное население и грабили проходившие мимо торговые караваны в центральной Кении в 1890х.²⁵ Поход против Мобуту в 1997 г. через огромную территорию Заира, который привёл к власти Лорана Кабилу, и наступление в 1998 г. войск противников Кабилы копировали военные рейды компактных хорошо организованных (обычно на кланово–этнической основе, хотя и с допущением чужаков) и хорошо вооруженных групп, которые разоряли и подчиняли или уничтожали потенциально более сильные оседлые формирования в XIX в. Вторжение в Восточную Африку южноафриканских нгони Звангендабы в 1830-х — 1840-х гг. и оккупация хаусанских городов-государств войсками фульбе Усмана дан Фодио в начале XIX в. – первое, что приходит на ум. В обоих случаях старые политические образования были разрушены, и на их месте появились совершенно новые.

В историческом опыте и исторической памяти африканцев нет пропасти между "традицией" и "инновацией" – как и в любом другом регионе мира. По сути эти два понятия вообще невозможно разделить. Все основные изменения в африканских обществах происходили в рамках "инновационного традиционализма" или, "традиционализированной инновации". За последние десятилетия, например, Африка прошла процесс массовой и быстрой урбанизации. Считается, что он ведет к "детрибализации" и появлению гражданского общества. Но в действительности урбанизация чаще всего вела к «одеревливанью» города и к "ретрибализации", то есть воссозданию прежних, сельских реалий в новых городских условиях. Это отрицательно сказывалось на процессах демократизации, к которой, как считалось, приведет независимость.

История государства в Африке это процесс со своей собственной логикой преемственности и своей собственной моделью инновации и регенерации. Но в каждый период историческая траектория африканского государства формировалась и под влиянием экономического, политического и общественного мирового порядка. На протяжении веков между африканскими обществами и остальным миром существовала диалектическая и динамичная связь. При этом Африка играла важную, хотя и ассиметричную, роль в формировании и развитии менявшегося миропорядка и являлась его неотъемлемой частью. Это означает, что модель государства в Африке - органический результат как длительного процесса самостоятельного внутреннего развития, так и постоянно перерабатывавшихся, переваривавшихся внешних воздействий.

«Все указывает на то», пишет Бэйя, «что неравноправное вхождение [Африки – И.Ф.] в международные системы в течение нескольких столетий составляло сущность и динамику функционирования африканских обществ; они вовсе не отстранялись магически от этих

---

²⁵ *Lonsdale J. The Conquest State in Kenya // Colonial Warfare. London, 1986. P. 13.*

систем. Их внутренняя структура происходит из их отношений с мировой экономикой». «Конечно», добавляет он, «концепция зависимости сохраняет свою значимость, только ее нельзя отделять от концепции автономии»²⁶. Современная государственность в Африке охватывает как внешний (зависимость), так и внутренний (автономия) факторы, но она выходит за их рамки. Она представляет собой новую гомогенную историческую модель, основанную на обоих факторах, но не эквивалентную их простой сумме.

Неразделимость политического пространства.

«Британия должна исполнить свой двойной мандат в Индии», — утверждал Карл Маркс в своем исследовании природы и социально-экономической функции колониализма в Индии — «разрушить старый азиатский общественный строй, с одной стороны, и положить основание западному обществу в Азии, с другой».²⁷ С точки зрения важности, которую он придавал в этой связи индустриализации, очевидно, что под «западным» Маркс подразумевал общество «капиталистическое». Но социальные результаты «созидательной» деятельности колониализма, будь то в Азии или Африке, не были капиталистическими. Как мы видели, колониальное общество в Африке не было копией английского или французского общества. С точки зрения марксистского подхода, вся социальная динамика колониального общества была перевернута, поставлена с ног на голову, так как главным агентом социогенеза в нем была надстройка, а социальная база этой надстройки, капиталистический общественный порядок, находилась вне структур местных африканских обществ. Но формировались ли эти местные общества по тому же образцу, что и их капиталистические «осеменители», хотя бы в отдаленном будущем?

Идеи Л.Д. Троцкого о развитии капитализма в России показывают, что однозначного ответа на этот вопрос нет, что проблема слишком сложна и многопланова для такого ответа. Отправной точкой для Троцкого было то, что капиталистическое развитие разных обществ в разных регионах мира происходило с разных стартовых уровней. Из этого не следовало, с его точки зрения, что, по мере того, как новые территории будут вовлекаться в международную систему, они все сойдутся вместе в одинаково развитом демократическом обществе. Он видел определенные преимущества в позднем развитии капитализма, которые он называл «преимуществами исторического отставания» — например, во всеобщей доступности технологий. Но в то же время он отметил определенные «искажения» социальной структуры в обществах, развивавшихся по этому сценарию.

---

²⁶ Bayart J.-F. Op. cit. P. 27.

²⁷ Маркс К. Будущие результаты британского правления в Индии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2е изд. Т. 9. С. 225. См. также его статью «Британское правление в Индии» в том же томе.

В России, например, ускоренная индустриализация в последние два десятилетия XIX в. привела к появлению значительного слоя рабочего класса, однако местная буржуазия оставалась слабой и была неспособна к либеральной (или какой либо другой) оппозиции авторитарному режиму, прежде всего из-за господства иностранного капитала, централизации власти и недемократической природы российского имперского государства. Более того, российской буржуазии пришлось даже опираться на этот автократический докапиталистический режим для защиты своей собственности и поддержания законности и порядка. Большинство населения, крестьяне, которые, казалось бы, были исключены из процесса капиталистического развития, фактически субсидировали его, поскольку с ростом задолженности России международным рынкам, государство стремилось собирать с крестьянства все более высокие налоги. Иностраный капитал в свою очередь тоже был заинтересован в жизнеспособности архаичного царского государства, т.к. оно было единственным гарантом возвращения долгов.

Представленная Троцким социальная ситуация весьма далека от классического образца капиталистического общества. Но это общество не было и докапиталистическим. Оно не было ни тем, ни другим, и в то же время обоими ими вместе. Эта ситуация была примером того, что Троцкий называл «неравным и совмещенным» процессом развития мирового капитализма. «Англия в свое время - писал он – показала будущее Франции, значительно меньше – Германии, но ни в коей мере не будущее России или Индии»²⁸ Как писал другой автор, Восточная Европа стала для Запада «первой моделью слаборазвитости»²⁹. Это означает, что исторически все страны, за исключением Англии, и, возможно, Франции, находились или находятся в состоянии относительного социального отставания. А это в свою очередь означает, что «искажения» капиталистического развития были не исключением, а правилом – нормой мирового исторического процесса.

Джастин Розенберг сформулировал несколько выводов из теории Троцкого, важных для современности. Во-первых, капитал действительно создал единый мир, как и предрекали марксисты – но это не был гомогенный мир «по образу и подобию капиталистических обществ в центре». Во-вторых, это означало, что логическая модель единого и однородного капиталистического государства не существует, а если она и есть, то она бесполезна для понимания «разнообразия политических форм». Чтобы понять их, нужно постичь «специфический *международный* механизм капиталистической экспансии». В-третьих, «социальная структура человечества» (выражение Троцкого) может быть понята только геополитически, т.к. если капитализм искажал российское

---

²⁸ *Trotsky L.* The History of the Russian Revolution. Vol. 3. London 1933. P. 378.

²⁹ *Wolff L.* Inventing Eastern Europe: The Map of Civilization on the Mind of the Enlightenment. Stanford (Calif.), 1994. P. 9.

общество, он «точно так же инкорпорировал это социальное искажение в мировой рынок».³⁰

Из этого следует, что хотя африканская модель современности уникальна, в то же время она и универсальна. Очевидно, что даже в сходных условиях разные общества не копируют социально–политический опыт своих предшественников. И тем не менее сходство социально–политических процессов в странах, идущих к рыночной экономике укороченным путем, поражает. Политическая нестабильность, «вертикальная» организация общества, недемократичные действия властей или авторитарные режимы, попытки переворотов, гражданские войны, высокий уровень преступности и коррупции, расхищение государственных средств на структурном уровне — все эти черты характерны для современной России не менее, чем для Африки.

Коррупция как структурный феномен в процессе накопления и при одновременном использовании антикоррупционных лозунгов в борьбе с политическими оппонентами в позднесоветский период,³¹ как и в последние десятилетия – все это вполне укладывается в «африканскую» модель. Оба общества, не только африканское, но и российское, – хотя и на разных уровнях – проходят стадию, когда, как пишет Ричард Корнвелл, «современное государственное устройство... является не более чем «панцирем» вокруг живого общественного организма», в котором «жизненно важная деятельность... происходит по большей части в скрытых сферах неформальной экономики и приятельской государственности», и в которой «население стремится понять, что происходит, и выжить».³²

Это, конечно, не означает, что социально–политические результаты сходных (по крайней мере внешне сходных) процессов в двух регионах будут одинаковыми, поскольку историческая почва, на которой эти процессы развиваются, разная. Более того, в обоих случаях эти результаты непредсказуемы, точно так же, как, если верить Троцкому, и исход нынешнего геополитического порядка в целом, поскольку этот порядок сам является результатом инкорпорирования всех предыдущих «искажений». Эти искажения – и только они – и составляют процесс мировой истории.

Здесь нам придется вернуться к одному из таких «искажений», самому важному для понимания взаимодействия между африканской моделью социально–политической трансформации и ее международным контекстом, а именно к «перевернутым» социальным структурам, в которых надстроечные факторы играли преувеличенно

---

³⁰ *Rosenberg J. Isaac Deutscher and the Lost History of International Relations // New Left Review. №. 215. January/February 1996. P. 8–9.*

³¹ См., напр.: *Гуров А.И. Красная мафия. М., 1995; Соловьев В., Клепикова Е. Заговорщики в Кремле: От Андропова до Горбачева. М., 1991.*

³² *Cornwell R. The Collapse of the African State // Peace, Profit or Plunder? The Privatisation of Security in War-torn African Societies / Eds. J. Cilliers and P. Mason. Johannesburg, 1999. P. 62.*

большую роль. «Неверно.., что существуют специфические социально-экономические условия, при наличии которых демократия становится возможной» - пишет американский политолог Марина Оттавей, «но есть условия, которые способствуют развитию демократии. Если эти условия не существуют – а в Африке они не существуют - демократию приходится развивать чисто политическими мерами: политические действия небольших демократически настроенных групп должны создать те рычаги для перемен, которые не были созданы социальной или экономической трансформацией. Демократизация, другими словами, обретает некий оттенок ленинизма, становится процессом, в котором политическая организация должна компенсировать неблагоприятные социально–экономические условия.»³³

Утверждение в целом верное, хотя из всего сказанного выше ясно, что «активная роль настройки» в формировании и развитии африканской государственности не может быть сведена к «политическим действиям небольших демократических групп» внутри африканских стран, сколь бы ни важны они были сами по себе. Это значительно более разносторонний и глубокий процесс, включающий, среди прочего, социально–политический и психологический климат и в обществе, и на международной арене.

С этой точки зрения важно, например, что Африка вошла в постколониальную эпоху в то время, когда мировой порядок определялся холодной войной. Этот фактор предопределял относительно высокий уровень вовлеченности супердержав в африканские дела. В охоте за союзниками, которую оба противника вели в глобальном масштабе, любая добыча была драгоценной. Мобуту, например, пользовался поддержкой западных доноров, независимо от того, что он творил у себя в стране, но только до тех пор, пока он контролировал ситуацию и проявлял лояльность. В свою очередь, СССР поддерживал не только таких лидеров, как Менгисту Хайле Мариам в Эфиопии (власть которого считалась легитимной и который пользовался большой популярностью в первые годы своего правления), но также и откровенно преступных диктаторов, как, например, Иди Амин в Уганде.

Это означало, конечно, что во время первых трех десятилетий постколониальной эпохи глобальная ситуация не способствовала демократизации государства в Африке. Но в то же время оба противника в холодной войне все эти годы поддерживали сам институт африканского государства, спасая его от дезинтеграции. По словам Леонардо Виллалона, в этот период «важность международного аспекта [«лица» – И.Ф.] африканского государства... превосходила его реальную значимость внутри страны».³⁴

---

³³ *Ottaway M.* From Political Opening to Democratisation? // *Democracy in Africa...* P. 3–4.

³⁴ *Villalón L. A.* The African State at the End of the Twentieth Century: Parameters of the Critical Juncture // *The African State at a Critical Juncture: Between Disintegration and Reconfiguration* / Eds. L. Villalón and P. Huxtable. Boulder, 1998. P. 10.

После окончания холодной войны африканские страны столкнулись с совершенно иным миропорядком (хотя стоит отметить, что в его формирование они внесли существенный вклад). В первое десятилетие после распада СССР африканские лидеры самой разной идеологической принадлежности столкнулись с более или менее единым «международным общественным мнением», как неинституционализированным, так и выражаемым наиболее важными международными организациями. В последнее десятилетие ситуация начала меняться: стало ясно, что биполярный мировой порядок времен холодной войны сменился не однородным и гармоничным однополярным миром, а разнородным, многополярным, фрагментированным и нестабильным. Это означало, что крупные мировые державы утратили желание, не говоря уже о возможностях, активно вмешиваться политически в африканские дела.

Политическое «устранение» мировых держав из Африки все еще лишь весьма относительно. У Франции все еще сохраняются довольно тесные отношения с франкофонной Африкой, позволяющие ей вмешиваться, например, в ситуацию в Чаде. Но и эти отношения все более ограничиваются культурно–гуманитарной сферой. США все еще считаются важным союзником Йовери Мусевени в Уганде. Большие европейские компании и ТНК (как, например, Шелл в Нигерии, или Эльф Акитэн в Конго и Габоне) все еще обладают большим влиянием в политических делах на континенте. Все это, однако, не идет ни в какое сравнение с прямым вторжением супердержав в политику африканских стран в годы холодной войны, например, их прямое вмешательство в военные конфликты, такие, как войны в Нигерии и Анголе.

Уход мировых держав из Африки поставил их бывших союзников в крайне уязвимое положение, как в личном плане, так и в социальном. Политически они оказались еще более более независимыми от международного контекста, но зато намного более уязвимыми внутри своих стран и зависимыми от местных обществ. Точно так же, как это было в конце колониальной эпохи, этим посредникам между мировым капиталом и своими обществами пришлось заново определять свою роль, реорганизовываться и по-новому позиционировать себя.

Три важнейшие (и внешне очень разные) процесса, определяющие характер политического развития континента в последние полтора десятилетия, все связаны с изменившейся глобальной ситуацией и с процессом перепозиционирования элит. Это демократизация государственности, проявляющаяся в росте числа стран, где проводятся альтернативные выборы; интернационализация конфликтов на континентальном и региональном уровнях; и практическая дезинтеграция некоторых государств, в которых произошел или происходит процесс распада государственных структур.

Волна «демократизаций» прокатившаяся по континенту, привела к урегулированию через переговорный процесс и/или многопартийные выборы, такие многострадальные

страны, как Намибия, Ангола, Мозамбик, Замбия, Уганда, Гана, Сьерра-Леоне, Конго-Браззавиль, Эфиопия, и, главное, ЮАР и Нигерия. На международном уровне этот процесс считается наиболее важной чертой современного развития континента, открывающей перед ним новые перспективы. Две другие тенденции, выражающиеся, например, в региональной интервенции в ДРК, успешных государственных переворотах против демократически избранных лидеров (таких как Лиссуба в Конго и Алхаджи Ахмад Кабба в Сьерра-Леоне) и последовавший за ними хаос, распавшиеся или почти распавшиеся государственные структуры, как в Судане и Сомали, считаются пережитками прошлого, которые рано или поздно будут устранены под давлением новых тенденций.

К чему приведут новые тенденции пока не ясно, но уже очевидно, что с проведением демократических выборов кризисы не исчезают, и что сами эти выборы могут стать частью проблемы, а не ее решением. Углубляющийся, несмотря на выборы и попытки международного урегулирования, кризис в Зимбабве – яркое тому свидетельство.

Самоотстранение бывших супердержав от политической роли на континенте, облегчило путь к экономическому прорыву в Африку новых игроков, прежде всего Китая. До сих пор к значительным политическим последствиям это не привело, но массивные капиталовложения Китая в экономику Судана, например, уже означают поддержку скомпрометированного репрессиями режима Омара аль-Башира. В целом становится все труднее верить, что новый мировой порядок сам по себе больше способствует демократизации и миру в Африке, чем предыдущий.

Ренессанс особого типа

Пока "международное сообщество" радуется росту числа демократических выборов в Африке, многие их участники, как и большинство африканистов, задаются вопросами о том, насколько демократичны эти выборы, насколько они отражают демократизацию в той или иной стране и способствуют ей. Основания для сомнений есть. Выборы зачастую приводят к власти военных или иных авторитарных правителей – тех, кооторые эти выборы и организуют. Процедура выборов обычно тщательно проверяется международными наблюдателями, которые в конце-концов провозглашают их свободными и справедливыми. Но все же после десятилетий военнго правления первым избранным президентом Ганы стал Джерри Ролингс, лидер двух успешных военных переворотов; президентом Нигерии – генерал Олусегун Обасанджо, один из прежних военных правителей страны; президентом Уганды – Йовери Мусевени, свергший избранное правительство после длительной партизанской войны; премьер-министром Эфиопии – Мелес Зенауи, лидер Народного освободительного фронта тигре (отнюдь не представляющего большинство населения) который сначала захватил власть, а потом уже

начал побеждать на многопартийных выборах.³⁵ Что уж говорить о президенте Зимбабве Роберте Мугабе, регулярно выходившем победителем на выборах, которые даже многие наблюдатели из африканских стран признают фальсифицированными.

Некоторые бывшие диктаторы, вернувшиеся к власти в результате выборов, открыто заявляют, что их взгляды не изменились. В интервью южноафриканской газете Ролингс сказал: «Когда я носил форму, мы многого достигли. Не столько из-за того, что я был военным, сколько из-за того, что у нас не было конституционной или многопартийной системы со всеми ее сложностями»³⁶

Мусевени полагает, что главная проблема государства в Африке – его "идеологическая зависимость" от иностранных держав, которая выражается в дискуссиях между "правыми" и "левыми", или в попытках ввести многопартийную систему. Он считает, что в крестьянских обществах партии могут создаваться только на базе трибализма, а это приведет к расколу нации. Поэтому большую часть правления Мусевени его «демократия» была основана на одной партии – возглавляемом им самим Национальном движении сопротивления, которое по идее должно объединять все оттенки политических мнений. Другие политические партии не запрещены, но политические деятели могут участвовать в выборах только на личной основе³⁷.

В Эфиопии Народный фронт освобождения тигрэ создал более широкое партийное объединение, Эфиопский народный революционный демократический фронт (ЭНРДФ), который состоит из новых партий, созданных специально для этой цели по этническому принципу. Партии сгруппированы по регионам, и ЭНРДФ управляет федерацией регионов, считающихся автономными, но в действительности не обладающих никакой политической властью. ЭНРДФ контролируется народным фронтом освобождения тигрэ, так что практически у власти партия меньшинства.³⁸

Зачем же в таком случае этим лидерам или партиям вообще нужны выборы и другие демократические институты, пусть и показательные? После окончания холодной войны международное давление значительно уменьшилось, но полностью не исчезло. Иногда оно проявляется в форме сигналов, исходящих от международных организаций, например решение Международного уголовного суда по поводу Аль Башира или хотя бы Британского содружества по поводу Мугабе. Более опасный сценарий для авторитарного лидера – возможность вмешательства более сильного соседа, самостоятельно ли, или от

---

³⁵ *Ottaway M.* Africa's "New Leaders": African Solution or African Problem? // *Current History*. May 1998. P. 210–211.

³⁶ *The Sunday Independent*. 12 July 1998.

³⁷ *Museveni Y.* What is Africa's Problem? *Speeches and Writings on Africa* by Yoveri Kaguta Museveni. Kampala, 1992. P. 186–187; *Idem.* *Sowing the Mustard Seed. The Struggle for Freedom and Democracy in Uganda*. London, 1997, p. 201-203; см. также интервью Й.Мусевени газете «Сандей индипендент» (*Sunday Independent*. 1 June 1997).

³⁸ *Ottaway M.* Africa's "New Leaders"... P. 211.

имени региональных организаций, как это произошло, например, в Сьерра-Леоне и Либерии, где войска Нигерии действовали от имени ЭКОВАС, и в Лесото, где армия ЮАР действовала от имени САДЕК.

Важнее, однако, другое соображение. Как уже отмечалось, возросшая независимость африканских лидеров от международной арены делает авторитарные режимы более зависимыми и уязвимыми внутри страны. В этой ситуации если элита хочет продолжать играть роль посредника между мировым капиталом и местным обществом и получать от этой связи материальные выгоды, она вынуждена искать новые источники легитимности и стабильности и расширять свою базу среди местного населения. Как выразился Виллалон, "выборы могут быть тактикой поддержания власти, и многие африканские (да и другие) выборы с 1990-х гг. были явно направлены на предотвращение перемен и на усиление статус-кво."³⁹ Иными словами, внешняя демократизация – по сути механизм приспособления африканских элит к новой ситуации, нацеленный на укрепление их положения и упрочение существующей социально–политической системы, на консервацию, а не на глубокие структурные изменения.

Если у правящих элит и были сомнения насчет необходимости демократизации, две другие тенденции на африканской политической арене быстро убедили бы их в том, что она нужна. Демократизация – не альтернатива распаду государственных структур или войне. Эти три явления зачастую являются продолжением друг друга. Хаос и война часто приводят к осознанию необходимости демократизации, но попытки демократизации столь же часто заканчиваются хаосом и войной. В Африке (так же, как и во многих других областях мира, как, например, это было на Балканах) война может быть столь же прибыльным делом, как и политика. Роберт Каплан, цитируя книгу Мартина Вана Кревелда *Преобразование войны*, пишет: "...война во многих отношениях – не средство, а цель... там, где... бедность всегда была массовой, люди находят освобождение в насилии."⁴⁰ Успешная демократизация может принести перерыв в войне; она может также дать шанс одной из враждующих групп, или обеим, консолидироваться и перегруппироваться на случай нового конфликта.

Одна из более конкретных целей демократизации – умиротворение оппозиции. Этого можно достичь либо через инкорпорирование отдельных групп оппозиции в процессе мирного урегулирования, либо через урегулирование отношений с оппозицией в целом через выборы – в духе того, что Бэйя назвал «логикой взаимной ассимиляции элит»⁴¹.

Еще одна цель демократизации — легитимизация элит в глазах как соотечественников, так и внешнего мира. Однако ответ на вопрос, почему легитимизация должна

---

³⁹ Villalón L. A. Op. cit. P. 16.

⁴⁰ Kaplan R. The Coming Anarchy // The Atlantic Monthly. Vol. 273. № 2. February 1994. P. 72.

⁴¹ Bayart J.-F. Op. cit. P. 221.

осуществляться через выборы и демократизацию в более широком смысле, отнюдь не очевиден. Мнение "международного сообщества" в этом отношении важно, потому что оттуда, из-за рубежа, идет материальное вознаграждение за демократические преобразования. Но это не объясняет, почему демократизация может легитимизировать элиты в глазах местных обществ, или хотя бы расширить их политическую поддержку. Означает ли это, что народным массам Африки близки идеалы институционализированной демократии? Что означает для них слово «демократия»?

Согласно исследованию Фредерика Шэффера значение слова "demokaraasi" для волоф в сельской местности весьма отличается от значения слова "demokratie" для их соотечественников в городе. В городах, особенно в образованной среде, находит поддержку идея многопартийной демократии. В сельских районах партийных противоречий боятся, и "demokaraasi" подразумевает соглашение, согласие. Сельский житель передал автору мудрость своей общины так: «Кто-то голосовал за первого кандидата, другие за второго. Когда мы увидели, что у первого кандидата поддержка была больше, те, кто первоначально голосовал за второго, сразу присоединились к большинству, чтобы все работало лучше». Деревенские жители стремятся к мажоритарному консенсусу не из-за своей миролюбивой натуры, а из-за того, что это им выгодно. Если их кандидат победит, то у них будут построены дороги, проведены водопровод и электричество и появляются другие блага – во всяком случае, они в это верят. Им не нужно абстрактно справедливое, демократическое и беспристрастное правительство, они хотят правительства предвзятого, но только такого, которое действовало бы в их пользу. Для них это и есть "demokaraasi".⁴²

У Мусевени – тоже свое видение демократии, и тоже консенсусное. «Они (иностранцы наблюдатели – *И.Ф.*), были жертвами собственных стереотипов и непонимания ситуации», — пишет он. «Согласно их представлениям, народ Уганды жаждет политических партий, и как только они получают возможность голосовать, они будут голосовать за партии. В этом восприятии есть даже элемент расизма, потому что кое-кто думает, похоже, что африканцы не в состоянии понять, что для них хорошо, а что плохо... Многие наши интеллектуалы, воспитанные в колониальной традиции, не поощряющей свободу мысли, но заставляющей впитывать то, что говорят другие, также пали жертвой этого патернализма... Мы, в Национальном движении сопротивления, совершенно уверены, что в данный момент нашей истории наш народ не хочет партий... Во-первых, мы принесли мир, безопасность и уважение к правам человека, прежде всего

---

⁴² Schaffer F.C. "Demokaraasi" in Africa. What Wolof Political Concepts Teach us about How to Study Democracy. Ph.D. thesis: University of California at Berkeley, 1994; цит. по: Cruise O'Brien D. B. Does Democracy Require an Opposition Party? Implications of Some Recent African Experience // The Awkward Embrace. Dominant Party Rule and Democracy in industrialising Countries / Eds. H. Giliomee and C. Simkins. Cape Town, 1999.

тем, что покончили с самосудными казнями. Во-вторых, мы восстановили часть инфраструктуры, особенно дороги. В-третьих, мы восстановили промышленность...»⁴³.

Стабильность, мир и материальные блага – а всего этого можно досичь только через доступ к рычагам власти – именно так, очевидно, понимает "демократию" большинство африканского населения. Абстрактные понятия институционализованного равенства и представительности не имеют к этому никакого отношения. При таком понимании демократии цель государства – не удовлетворение интересов и взаимное приспособление составляющих его разнородных общин, но обеспечение отдельных групп, а цель выборов – предотвращение монополизации власти одной группой на длительное время. Майа-Пиарсе пишет, например, что в 1999 г. Олусегун Обасанджо был избран президентом Нигерии не из-за личных качеств, но потому что он – южанин, и тем самым «удовлетворял широко распространенное мнение, что следующим президентом должен был быть именно южанин, в качестве компенсации за аннулирование итогов выборов 1993 г. Кроме того, Обасанджо – йоруба из Абеокуты, — пишет он, — из того же города, что и Абиола.⁴⁴ Это означало, что он был прекрасным кандидатом для всех, кроме его собственного народа, который считает его предателем»,⁴⁵ очевидно, из-за его сотрудничества с генералами севера Нигерии.

При всем внимании, которое уделяется "демократии" во всем мире, становится все более очевидно, что подразумеваемого консенсуса о значении этого термина не существует. Нет ясного и общепринятого определения этого слова. Более того, когда нескольким сторонам удается договориться о его содержании сейчас, результаты этих договоренностей разительно отличается от результатов сходных договоренностей два или три десятилетия назад. Нет сомнения в том, что понятие "демократия" будет эволюционировать и дальше.

Многое из того, что еще недавно считалось неприкосновенным в определении демократии, больше таковым не является. Парламенты и многопартийные системы – институты, считавшиеся обязательными при любом демократическом порядке – первыми подверглись резкой критике, причем не только со стороны военных диктаторов или приверженцев «демократии советского типа», но также и со стороны демократически избранных африканских лидеров. Среди них были, например, первый президент Танзании Джулиус Ньерере и первый президент Кении Джомо Кениата. Демократически настроенные ученые также внесли свою лепту в эту критику. Аргументы против этих институтов слишком хорошо известны, чтобы останавливаться на них подробно (они

---

⁴³ *Museveni Y. K. Sowing the Mustard Seed... P. 201–202.*

⁴⁴ Кандидат, который, как широко считалось, выиграл выборы 1993 г. и был брошен в тюрьму после аннулирования их результатов. Он умер почти одновременно с Сани Абачей перед выборами 1999 г.

⁴⁵ *Maja-Pearce A. Op. cit. P. 11.*

чужды африканским культурам и традициям; в африканских условиях они являются дорогостоящей роскошью; они раскалывают общество, в то время как африканским странам нужно национальное единство, чтобы бороться с бедностью, и т.д.). Здесь важно то, что четыре, три и даже два десятилетия назад эти аргументы были неприемлемы для тогдашнего центра "демократического мира", но сегодня они считаются вполне нормальными — по крайней мере в том, что касается Африки.

Десятилетия политической нестабильности, умолчания, или прямой поддержки недемократических режимов в Африке оказали большое влияние на международное политическое сознание. Хорошо известно, как много было нарушений во время нигерийских выборов 1999 г. Некоторые представители нигерийской интеллигенции пытались довести это до сведения международных наблюдателей и другой международной общественности. Но, похоже, "международное общественное мнение" решило объявить выборы "достаточно демократическими" еще до их начала. «Достаточно» – для Нигерии, пока. Известный американский политолог сказал в передаче по южноафриканскому радио, что причин расстраиваться нет. Нигерийская демократия развивается, но развивается и американская. У первой есть проблемы, и у второй есть проблемы. Обе будут лучше, но пока что есть, то есть.⁴⁶ В принципе это должно было означать, что фальсифицированные выборы – лучше, чем никаких выборов, и что критиковать их не следует, надо набраться терпения и ждать, когда появится новая, лучшая система.

Пример Зимбабве убедительно показал, к чему приводит такое терпение. С начала этого века фальсификация результатов каждых следующих выборов правящей партией Национальный союз африканцев Зимбабве – патриотический фронт (ЗАНУ ПФ) становилась все более откровенной. Масштабы этой фальсификации были наглядно продемонстрированы всему миру в ходе выборов 2008 г., но ни к каким видимым результатам эти разоблачения не повели.

Следующей жертвой, похоже, становится мажоритарный принцип организации выборов, который зачастую (обычно в конфликтных ситуациях) уступает место системе совместного управления проигравшей и победившей сторонами, выработанной в результате переговоров. Такая система была выработана, например, для Зимбабве после выборов 2008 г. Несмотря на поражение как ЗАНУ ПФ, так и президента Роберта Мугабе лично, Мугабе до сих пор остается на своем посту, а представители его партии занимают ключевые посты в правительстве, продолжая преследования бывшей оппозиции, некоторые лидеры которой вошли в правительство. Многие политики и в Африке, и в

---

⁴⁶ SABC. 5 March 1999.

других местах считают эту систему более демократичной, нежели принцип "победитель получает все",⁴⁷ который ассоциируется с чуждыми Африке западными традициями.

Свобода прессы, как и, шире, свобода критики правительства, подвергалась нападкам в Африке едва ли не с момента появления молодых независимых стран. Ею предлагалось жертвовать в интересах национального единства, мира, развития и множества других благородных целей. Давно уже признано, что то, что происходит в стране между выборами не менее важно для функционирования демократии, чем сами выборы, но когда речь идет об Африке, об этом принципе вспоминают редко. Физические расправы над оппозицией и подавление оппозиционной прессы в Зимбабве, не говоря уже о фальсификации результатов выборов, не помешали тому, что каждый раз эти результаты признавались и принимались международным сообществом.

Новым здесь является лишь то, что попытки заставить замолчать критиков государства, особенно такого, которое заявило о своем намерении "демократизироваться", или уже провозглашает себя демократическим, исходят не только непосредственно от этого государства, и даже не только от его граждан, которых это касается напрямую, но часто от сочувствующих за рубежом. Как выразился Ричард Джозеф, такие защитники демократии превращают ее в "охранительный софизм".⁴⁸ По крайней мере один автор, Джон Ф. Кларк, недвусмысленно высказался, что демократию вообще нужно "ограничить в нескольких направлениях", чтобы она могла «работать в новых африканских государствах».⁴⁹ Но есть много других «защитников» демократии, доказывающих, что африканские режимы, появляются в результате выборов, демократичны по определению.

Согласно Тимоти Лонгману, исследования, написанные в таком духе, имеют далеко идущие последствия для гражданского общества. "Концепция гражданского общества, пытающаяся различать хорошие (то есть ориентированные на государство) организации и плохие (то есть, партикулярные), – пишет он, – представляет далеко не только академический интерес. Она имеет прямое отношение к политике. USAID начинает свои рекомендации по поддержке гражданского общества с определения этого общества – и оно исключает многие местные и небольшие группы, потому что они не ищут взаимодействия с государством, а значит не помогают развивать его возможности."⁵⁰

Причина такого «асимметричного» применения понятия демократии к Африке очевидна: считается, что ограниченная и частичная демократия лучше, чем хаос. На деле целью становится уже не демократия, а стабильность. Проблема заключается в том, что хотя "максималистский" подход к демократии действительно может разрушить

---

⁴⁷ *Ottaway M. From Political Opening... P. 11.*

⁴⁸ *Joseph R. Oldspeak vs. Newspeak // Journal of Democracy. Vol. 9. № 4. 1998. P. 55–61.*

⁴⁹ Цит. по: *Longman T. Rwanda: Chaos from above // The African State at a Critical Juncture... P. 77.*

⁵⁰ *Longman T. Op. cit. P. 90.*

государство, "минималистский", охранительный, подход отнюдь не способствует развитию ограниченной демократии в более зрелую и обычно ведет к авторитаризму и репрессиям, а затем все к тому же хаосу.

Означает ли все это, что в политическом мышлении и практической политике в Африке и во всем остальном мире применяются разные стандарты? Или изменения происходят в самой глобальной модели? Ответ заключается в том, что подход «или–или» к этой ситуации неприменим. Многие объясняет идея Троцкого о том, что встраивание местных социальных и политических "искажений" в процесс глобализации капиталистического порядка изменяет саму историческую траекторию этого порядка. Африка сыграла и продолжает играть свою роль в преобразовании мирового порядка, включая, среди прочего, и представления о демократии. Она участвовала и участвует в этом процессе вместе с другими обществами, не создававшими этот порядок, но инкорпорированными в него. Именно успех этой трансформации позволил упрощать и изменять требования к демократии на континенте.

Фаридд Закария делит современный мир на западные либеральные демократии и новые "нелиберальные демократии", характерной чертой которых являются избранные, но недемократические режимы, которые появились после окончания холодной войны.⁵¹ Но мир един, и принятие нелиберальных демократий как нормального явления в одной его части подтачивает демократические нормы самих "либеральных демократий". Цитируя американского ученого Майкла Влахоса, Роберт Каплан писал: "Мы не распоряжаемся своим окружением, и мир не идет за нами. Он движется во многих разных направлениях. Не думайте, что демократический капитализм – последнее слово в социальной эволюции человечества."⁵²

Африка не следует западными образцам, но это не означает, что ее собственная историческая траектория всегда будет ограничена порочным кругом «недемократии». На континенте происходят перемены, которые могут оказаться более существенными, чем полудемократические выборы. Одно из таких изменений – постепенно уходящий в прошлое "синдром борьбы", когда во всех проблемах общества винили внешний мир, внешнего врага – бывших колонизаторов, запад, север, европейцев, и т.д. Три десятилетия назад высказывание Ньерере о том, что Африка может иметь своих собственных тиранов, было абсолютным исключением. Когда Мусевени в конце 90–х назвал Организацию Африканского Единства "профсоюзом преступников",⁵³ этому уже никто не удивился. Сегодня критика репрессивных режимов бывшими товарищами по борьбе – дело обыденное. Усвоение видения "недемократии" – первый шаг к изменению системы.

---

⁵¹ *Zakaria F.* The Rise of Illiberal Democracy // *Foreign Affairs*. Vol. 76. № 6. November/December 1999.

⁵² *Kaplan R.* Op. cit. P. 63.

⁵³ *Sunday Independent*. 1 June 1997.

Селестен Монга считает, что африканские общества создали собственное гражданское общество – насилие и гнев как ответ на аномальность государственного порядка.⁵⁴ Гражданское общество не обязательно должно быть институционализировано, чтобы проявить себя. Оно не было неинституционализировано в Восточной Европе (кроме Польши), но было отчетливо ощутимо в последние десятилетия советского режима. Оно проявлялось в песнях и анекдотах, в эзоповом языке кино, литературе, театре и т.д. – через невидимую ткань общественного мнения и общественного настроения – и в конце–концов выплеснулось наружу разрушением Берлинской стены. То же и в Африке. Популярность нигерийского певца Фелы Кути, дом которого был сожжен военными, потому что в одной из его песен он назвал их «зомби» – один из многих примеров. Другой – встреченные аплодисментами чернокожей аудитории слова ведущего популярного шоу в ЮАР: «Цените оппозицию. Я не призываю вас голосовать за нее. Но цените ее».

Гораздо важнее тот факт, что новый мировой порядок начал в конце–концов подрывать "перевернутую" социальную структуру, по крайней мере, политически. Африканские страны не только непосредственно участвуют во всех политических процессах современного мира; они ещё и создают новые центры политической власти, которые будут способствовать этому процессу в будущем. Государство в Африке приспособляется к новому мировому порядку и приспособливает его к себе. И нравится ли остальной части мира то, что она видит, или нет, в сущности большого значения не имеет. В конце 90–х гг. прошлого века бывший президент ЮАР Табо Мбеки выступил с инициативой «африканского ренессанса», подразумевая при этом мир, стабильность и рост благосостояния на континенте. Идея обрела много сторонников и последователей и вылилась в создание новой общеафриканской организации, Африканского Союза, с новыми целями и новым видением ситуации. В 2008 г. Мбеки был отозван со своего поста своей партией, Африканским национальным конгрессом, и с тех пор об африканском ренессансе ничего не было слышно. Но даже если об этом лозунге и забыли, ренессанс, тем не менее, происходит: влияние африканского наследия на политическое поведение мира все больше становится нормой.

---

⁵⁴ *Monga C. The Anthropology of Anger. Civil Society and Democracy in Africa. Boulder; London, 1996.*